

Не понял, так не понял, Цзян Чэн был вполне удовлетворён текущим отношением Гу Шэна к нему. Он был человеком широких взглядов. Он снова спросил:

— Эй, как ты связался с этими студентами? Ян Сянь выглядит глуповатым и нечестным, я же вижу, что это за место. Внизу есть тайная радиостанция?

Гу Шэн собирался уйти, но, услышав это, остановился.

Цзян Чэн засмеялся за его спиной:

— Сговор с революционерами, тайные пожертвования незаконным газетам, ты думаешь, я не знаю, что ты за моей спиной делаешь?

Гу Шэн молча обернулся.

Цзян Чэн встретил его взгляд, вздохнул, и на его лице на мгновение появилось мягкое, почти печальное выражение:

— ...Не избегай меня так, будто я какой-то змей или тигр, который может тебя съесть. Неужели ты не можешь попробовать поверить мне хоть раз?

Гу Шэн отвернулся, его ресницы быстро опустились, и он невольно слегка покачал головой.

24.

Гу Шэн был очень популярен среди этих молодых студентов, вероятно, из-за того, что они были ровесниками, их идеалы и интересы в основном совпадали, и они находили общий язык.

Клиника Ян Сяня была небольшой, Цзян Чэн лежал на кровати на втором этаже, а молодые люди, которые приходили на чтения и писали статьи, собирались за двумя круглыми столами снаружи. На столах стояли печатные машинки и простые ручные печатные станки, готовые брошюры и лекции были прикрыты поношенной скатертью и сложены на диване под окном.

Среди тех, кто часто приходил, было трое или четверо студентов, изучающих иностранные языки. Они работали в парах, переводя и вычитывая тексты, и часто делились переводами, чтобы обсудить их вместе. Иногда, когда дискуссия становилась слишком жаркой, несколько горячих парней начинали спорить, краснея и повышая голос.

Гу Шэн обычно спокойно брал одну из рукописей и садился в сторонке читать. Если возникали споры, он не участвовал в них. Свет из окна на втором этаже падал на него, он был одет в тёмно-синий чаншань, половина его тела была в солнечном свете, он скрестил ноги и смотрел внутрь, его красивые глаза и брови слегка улыбались, и он вмешивался, только когда спор почти утихал.

Когда он смотрел на студентов, его угол зрения был направлен на Цзян Чэна, лежавшего на кровати в северной части комнаты. Если не присматриваться, казалось, что он смотрит на Цзян Чэна.

Когда он смотрел на кого-то, его глаза слегка опускались, а блики в них слегка поднимались, что создавало впечатление глубокой привязанности. Это чувство долгое время заставляло Цзян Чэна думать, что Гу Шэн испытывает к нему симпатию. Но на самом деле, в отличие от этой странной привязанности, Гу Шэн больше походил на тонкий слой солнечного света, лежащий на его щеке, излучающий холодную, как лезвие, жёсткость.

Однако эта едва уловимая холодность была хорошо скрыта, и в сочетании с его врождённым спокойствием и достоинством, а также его взглядами на текущие события, он, казалось, завоевал сердца этих студентов.

Цзян Чэн не мог сказать, как обстояли дела у других, но те несколько студенток, которые время от времени звали Гу Шэна помочь с редактурой или передать бумаги, определённо испытывали к нему симпатию.

Каждый раз, когда какая-нибудь студентка просила Гу Шэна помочь или подать бумагу, Цзян Чэн ненавидел то, что он был прикован к кровати и не мог ходить или двигаться. Особенно когда Гу Шэн охотно выполнял их просьбы, Цзян Чэн скрежетал зубами, желая, чтобы эти глупые парни поскорее разобрались с этими девушками, чтобы они не вертелись перед Гу Шэном.

Он привёз Гу Шэна домой два или три месяца назад, и хотя не относился к нему особенно хорошо, когда он просил Гу Шэна что-то сделать для него?

Как могло быть, что Гу Шэн выполнял чьи-то поручения?

Цзян Чэн чувствовал, как в его груди копится раздражение, но не мог его выплеснуть, и его правая нога снова начала сильно болеть.

На самом деле эта боль была в пределах его терпимости, его травмы оказались немного легче, чем ожидалось, и он не полностью потерял способность двигаться. Хотя идея тащить Гу Шэна куда-то, чтобы заявить свои права, была невозможна, он всё же мог справляться с базовыми нуждами.

Цзян Чэн увидел, как Гу Шэн спустился с лестницы, передал несколько газет одной из студенток и с улыбкой сказал:

— Не за что.

Этот вежливый жест заставил его глаза болеть, и он невольно вскрикнул:

— Ой!

Гу Шэн мгновенно перестал улыбаться и с недоумением посмотрел на него.

Как только этот звук вырвался, Цзян Чэн чуть не прикусил язык. С тех пор, как в детстве он устроил драку и был пойман Цзян Чжия, который выпорол его кнутом и запретил плакать, он, даже после всех тягот, которые пережил, служа в полевой армии, ни разу не издал ни звука. А теперь он, как баба, закричал, и его репутация железного человека была разрушена.

Гу Шэн на мгновение напрягся, но не стал его унижать, громко спросив:

— Что с тобой?

— Я... Кажется, рана на ноге открылась, ах... — Цзян Чэн с трудом улыбнулся ему.

— Может, позвать Ян Сяня? — Гу Шэн подошёл к нему, с неодобрением глядя сверху вниз.

— Нет, нет, не надо, — Цзян Чэн быстро замахал руками и, увидев, что Гу Шэн собирается уйти, снова позвал его:

— ...Эм, ты проводишь меня в уборную...?

Гу Шэн повернулся, его лицо на мгновение стало сложным. Цзян Чэн, чувствуя себя виноватым, уже собирался пошутить, но увидел, что Гу Шэн сделал несколько шагов вперёд и протянул руку:

— Держись.

Цзян Чэн был ошеломлён, и теперь он действительно не мог идти сам.

На самом деле, поскольку клиника Ян Сяня была маленькой и принимала только пациентов с лёгкими заболеваниями, этот чердак был местом, где Ян Сянь сам занимался учебой, и там не было места для размещения людей. Поэтому ночью Гу Шэн фактически спал рядом с Цзян Чэном.

Он стелил одеяло и несколько старых вещей и спал на полу рядом с кроватью.

Цзян Чэн в первые дни, когда был без сознания, не заметил этого, но в тот день Гу Шэн стоял за занавеской, сменил чаншань, и сквозь зелёную ткань просвечивал стройный силуэт. Затем свет снаружи погас, и он сам вошёл, откинув занавеску. Цзян Чэн инстинктивно провёл рукой по носу и хрипло спросил:

— ...Что ты делаешь?

Гу Шэн не ответил ему, сел на кровать рядом и явно собирался спать.

Цзян Чэн на мгновение задумался, а затем понял, что происходит, и, прочистив горло, сказал:

— Эй, не спи там... Давай поменяемся, иди сюда, я буду спать внизу, я буду спать внизу — здесь так холодно, ты можешь простудиться...

Гу Шэн, отвернувшись, покачал головой, его чёрные волосы слегка пошевелились на подушке, а затем его слегка согнутое тело расслабилось, словно он был очень уставшим.

Цзян Чэн, глядя в потолок, ждал некоторое время, свет от проезжающих машин за окном мелькал десятки раз, он повернул голову, и его глаза, привыкшие к темноте, долго смотрели на шею молодого человека, лежавшего к нему спиной. Затем он затаил дыхание, убедившись, что молодой человек спит, и, стараясь не скрипеть старой деревянной кроватью, осторожно спустился с кровати, избегая давления на раненую ногу, и опустился на колени рядом с ним.

Молодой человек лежал с закрытыми глазами, его ресницы отбрасывали тонкую тень, а его тело слегка поднималось и опускалось в такт дыханию.

Цзян Чэн снял с себя пальто и, насколько это было возможно, накрыл его, взглядом мягко коснувшись его слегка приподнятых уголков глаз, его губы шевельнулись, и он беззвучно произнёс что-то в темноте.

Несмотря на то что он общался со студентами, Гу Шэн никогда не забывал о своей основной работе, и, как только его здоровье немного улучшилось, он начал пробовать свои силы на сцене в уезде Чан.

Уезд Чан также был водным краем, одна из рек, приток Хуай, протекала через центр уезда и впадала в четыре крупных озера, одно из которых находилось на юго-западе уезда. Люди

построили сцену прямо у воды, половина конструкции была в воде, а половина — на влажной земле берега. Когда начиналось представление, вдалеке можно было увидеть мерцающие огни и яркие костюмы, словно это был парящий в воздухе рай, где проходили бессмертные.

Эти деревенские сцены были далеки от больших театров в Цзиньчжоу и Шанхае и даже немного уступали сцене самого Гу Шэна, но он не придавал этому большого значения, заранее узнал о местной театральной труппе и договорился о сотрудничестве.

Ян Сянь всё же советовал ему отдохнуть ещё некоторое время, его точка зрения в этом вопросе удивительно совпадала с мнением Ду Хани, оба считали, что здоровье Гу Шэна слишком слабое и ему не стоит перенапрягаться. Конечно, это могло быть связано с тем, что Цзян Чэн подливал масла в огонь, запугивая их, но Гу Шэн был непреклонен, считая, что он уже слишком долго беспокоил семью Ян Сяня и не мог продолжать жить за их счёт.

Его здоровье немного улучшилось, и он стал выглядеть лучше, Ян Сянь не стал больше спорить, только добавил, что театр также может пропагандировать новые идеи и так далее.

<http://bllate.org/book/16144/1445793>